

«Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены»

19-12-2008, Адвент; третья проповедь в Папском Доме

1. Павел и догмат о воплощении

Для начала, как и в прошлый раз, прочтём отрывок из Павловых писаний, над которым намереваемся поразмышлять:

«Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!” Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал 4,4-7).

Мы часто будем слушать этот отрывок в рождественское время, начиная с Первой вечерни Рождества. Прежде всего, поговорим о богословских истинах, вытекающих из текста. Здесь Павел ближе всего подходит к представлению о предсуществовании и воплощении. Идея «посланничества» («Бог послал, *exarpesteilen*, Сына Своего») изложена параллельно ниспосланию Духа, упомянутому двумя стихами позже, и перекликается с тем, что сказано в Ветхом Завете о ниспослании Премудрости и святого Духа в мир от Бога (Прем 9,10.17). Эти параллели указывают на то, что перед нами Посланец не «от земли», каковы пророки, а «с неба».

Предсуществование Христа подразумевается в тех текстах Павла, где речь идёт о роли Христа в сотворении мира (1 Кор 8,6; Кол 1,15-16), а также когда Павел говорит, что скалой, следовавшей за народом в пустыне, был Христос (1 Кор 10,4). А представление о воплощении лежит в основе христологического гимна в Флп 2: «Он, будучи образом Божиим... уничижил Себя Самого, приняв образ раба».

Однако нужно признать, что у Павла предсуществование и воплощение – истины на стадии осмысления, ещё не вполне сформулированные. Дело в том, что для Павла самый интересный момент и отправной пункт – это пасхальная тайна, то есть дело, а не личность Спасителя. В этом Павел отличается от Иоанна, для которого отправная точка и самое интересное – это именно предсуществование и воплощение.

Речь идёт о двух различных «путях», маршрутах к постижению того, кто такой Иисус Христос: Павел идёт от человеческой природы к божественной, от плоти к Духу, от истории Христа к предсуществованию Христа. А Иоанн движется в противоположном направлении: от божественной природы Слова к постулированию человеческой Его природы, от Его существования в вечности к существованию во времени. Для Павла соединительное звено между двумя фазами – воскресение Христа, а согласно Иоанну, переход из одного состояния в другое совершается в воплощении.

С наступлением следующей эпохи два маршрута обретают всё более чёткую форму и дают начало двум моделям, или архетипам, и наконец – двум христологическим школам: антиохийской, которая апеллирует преимущественно к Павлу, и александрийской, восходящей преимущественно к Иоанну. Никто из сторонников одного или другого пути не считает, что совершает выбор между Павлом и Иоанном; каждый убеждён, что оба на его стороне. Разумеется, это верно;

однако факт остаётся фактом: два течения остаются хорошо заметными и различимыми, как две реки, которые слились вместе, но по-прежнему различаются цветом своих вод.

Это различие отражено, например, в том, сколь по-разному истолковывают две школы кенозис Христа в Флп 2. Начиная со II-III веков формируются два различных прочтения этого текста; они присутствуют и в современной экзегезе. Согласно александрийской школе, первоначальный субъект гимна – это Сын Божий, предсуществующий в форме Бога. Поэтому кенозис в данном случае состоит в том, что Он воплотился, сделался человеком. Согласно истолкованию, преобладающему в антиохийской школе, единственный субъект гимна с начала до конца – исторический Христос, Иисус из Назарета. В этом случае кенозис означает уничижение, сопряжённое с тем, что Он стал рабом и подвергся страданию и смерти.

Разница между двумя школами не столько в том, что одна следует за Павлом, а другая за Иоанном, сколько в том, что одна интерпретирует Иоанна в свете Павла, а другая интерпретирует Павла в свете Иоанна. Различны схемы, или глубинные перспективы, применяемые для того, чтобы проиллюстрировать тайну Христа. Можно сказать, что в дискуссии между этими двумя школами сформировались несущие конструкции церковной догматики и богословия, работающие до сегодняшнего дня.

2. Родился от жены

Относительное умалчивание Павла о воплощении сопряжено с почти полным молчанием о Марии, Матери воплощённого Слова. Мимолётная вставка «Который родился от жены» (*factum sub muliere*) в нашем отрывке представляет собой самое развёрнутое упоминание о Марии в корпусе текстов Павла. Это выражение равноценно другому: «Который родился от семени Давидова по плоти», «*factum ex semine David secundum carnem*» (Рим 1,3).

Однако, несмотря на лаконичность, это утверждение апостола сыграло огромную роль. Оно стало одним из оплотов в борьбе против гностического докетизма, начиная со II века и далее. Ведь Павел здесь говорит, что Иисус – не небесное явление; благодаря рождению от женщины Он полностью включён в человечество и в историю, во всём подобен людям (ср. Флп 2,7). «Почему мы говорим, что Христос человек, – пишет Тертуллиан, – как не потому, что Он рождён Марией, которая есть человеческое существо?»¹. Вообще-то фраза «родился от жены» лучше выражает подлинную человеческую природу Христа, чем титул «Сын человеческий». В буквальном смысле, Иисус – не сын человеческий, поскольку у Него не было отца среди людей. При этом он действительно – «Сын женщины».

Текст Павла окажется в центре споров о титуле Богородицы (Теотокос) в последующих христологических диспутах. Вот почему на литургии мы выслушиваем этот фрагмент в качестве второго чтения на мессе торжества в честь Пресвятой Богородицы Марии первого января.

Нужно отметить одну подробность. Если бы Павел сказал: «родился от Марии», речь бы шла лишь о биографической детали; сказав «родился от жены», апостол придал своему утверждению универсальное, глобальное значение. Женщина как таковая, каждая женщина была вознесена в Марии на столь

¹ Тертуллиан, О плоти Христовой, 5,6.

невероятную высоту. Здесь Мария – женщина по преимуществу.

3. «Какая мне польза от того, что Христос родился от Марии?»

Мы размышляем над текстом Павла в преддверии Рождества и в духе молитвенного чтения, поэтому не можем слишком надолго останавливаться на экзегетических данных; мы должны, взглянув на богословскую истину, содержащуюся в тексте, извлечь из него плоды для своей духовной жизни. Итак, что говорит именно мне слово Божие?

«Какая мне польза от того, что Христос когда-то родился от Марии в Вифлееме, если Он не рождается верой в моей душе?»², – сказал Ориген, а за ним повторили св. Августин, св. Бернар, Лютер и другие. Богоматеринство Марии реализуется на двух уровнях: физическом и духовном. Мария – Матерь Божия не только потому, что она физически выносила Его во чреве, но и потому, что она прежде восприняла Его в сердце, верой. Конечно, мы не можем подражать Марии в первом смысле и снова родить Христа, но можем подражать ей во втором смысле, в измерении веры. Сам Иисус первым применил к Церкви титул «Матери Христа», когда объявил: «Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк 8,21; ср. Мк 3,31ст; Мф 12,49).

В Предании эта истина представлена на двух взаимодополняющих уровнях: пастырском и духовном. В первом случае это материнство реализуется в Церкви, взятой в её совокупности, как «всеобщее таинство спасения»; во втором случае – в каждой отдельной личности, в каждой верующей душе.

Средневековый писатель, блаженный Исаак, аббат монастыря Стелла, свёл воедино все эти мотивы. В знаменитой гомилии, которую мы читали на литургии часов в прошлую субботу, он пишет: «Мария и Церковь: одна Матерь и много матерей, едина Дева и много дев. Мария есть Матерь, и Церковь равно есть мать. Мария – Дева, дева и Церковь. (...) Посему и Богодухновенное Писание исполнено слов, обще относимых к матери-деве, то есть Церкви, и равно – к Марии Деве; те же, что повествуют о Марии, Матери и Деве, относимы и к девственной матери – Церкви. (...) Равно и всякая душа верная есть невеста Слова и мать Христа, дочь Его и сестра, и она девственна и плодоносна»³.

II Ватиканский собор высказывается в рамках первой перспективы: «Церковь... сама становится Матерью, ибо проповедью и крещением своих сынов, зачатых от Святого Духа и рождённых от Бога, Она рождает к новой и бессмертной жизни»⁴.

Мы сосредоточимся на реализации Богоматеринства в каждой душе: «Всякая верующая душа, – пишет св. Амвросий, – зачинает и рождает Слово Божие... Если по плоти лишь одна есть Матерь у Христа, то по вере все души рождают Христа, когда принимают слово Божие»⁵. Св. Амвросию вторит другой восточный отец Церкви: «Христос всегда рождается мистически в душе, беря плоть от спасённых и преобразуя рождающую Его душу в девственную мать»⁶.

2 Ориген, Комментарий на Евангелие от Луки, 22,3.

3 Исаак, аббат монастыря Стелла (Литургия часов. Час чтений, М., «Паолине», 2004, с.58) Isacco della Stella, Discorsi 51 (PL 194, 1863 s.).

4 Lumen gentium 64.

5 Св. Амвросий, Толкование на Евангелие от Луки, II, 26.

6 Св. Максим Исповедник, Комментарий на «Отче наш» (PG 90, 889).

Как стать матерью Иисуса, нам разъяснил Он сам в Евангелии: слушая и исполняя Слово (ср. Лк 8,21; Мк 3,31сл; Мф 12,49). Чтобы понять это, вспомним, как стала матерью Мария: зачала Иисуса и родила Его. Мы видим, что в Писании подчёркнуты эти два действия: «Дева во чреве примет и родит Сына», – читаем у Исайи, а также: «зачнёшь во чреве и родишь Сына», – говорит ангел Марии.

Есть два типа неполного материнства, или два типа прерывания беременности. Первый, старый и известный – это аборт. Он имеет место в том случае, когда новая жизнь зачата, но ей не удаётся увидеть свет, потому что – по естественным причинам или из-за человеческого греха – зародыш погибает. До недавнего времени это был единственный известный человечеству случай неполного материнства. Сегодня нам известен ещё один, противоположный: когда женщина рождает ребёнка, не зачав его. Так бывает, если ребёнок зачат в пробирке, а затем помещён во чрево женщины, либо если женщина отдаёт своё чрево «внаём» и за плату вынашивает ребёнка, зачатого вне её тела. В этом случае ребёнок, рождаемый женщиной, не исходит от неё, он не зачат «прежде в сердце, чем в теле».

Увы, и в духовном плане встречаются эти два типа неполного материнства. Зачинает Иисуса, но не рождает Его тот, кто принимает Слово, но не исполняет его, продолжает делать один духовный аборт за другим: планирует обратиться и формулирует благие намерения, но систематически о них забывает и бросает их на полпути; по отношению к слову ведёт себя как торопливый наблюдатель, который видит в зеркале своё лицо, и тут же, уходя, забывает, как он выглядит (ср. Иак 1,23-24). Короче говоря, у такого человека есть вера, но нет дел.

И напротив, рождает Христа, не зачав Его, тот, кто делает много дел, пусть добрых, но не исходящих из сердца, из любви к Богу и из правильного намерения; человек действует по привычке, из лицемерия, стремясь к собственной славе и выгоде или просто ради удовлетворения, доставляемого самим действием. Иначе говоря, у такого человека есть дела, но нет веры.

Св. Франциск Ассизский ёмко сформулировал, в чём состоит истинное материнство по отношению к Иисусу: «Мы – матери Христовы, если носим Его в сердце и в теле божественной любовью, чистой и искренней совестью; мы рожаем Его святыми делами, которые должны быть сияющим примером для других... О, как свято и как драгоценно, радостно, смиренно, мирно, сладостно, любезно и желанно превыше всего – иметь такого брата и такого сына, как Господь наш Иисус Христос!»⁷. Мы, – хочет сказать святой, – зачинаем Христа, когда любим Его искренним сердцем и с чистой совестью, и рожаем его, когда совершаем святые дела, являющие Его миру.

4. Два праздника Младенца Иисуса

Св. Бонавентура, ученик и духовный сын св. Франциска, подхватил и развил эту мысль в работе под названием «Пять праздников Младенца Иисуса». Во введении в книгу он рассказывает, как однажды, когда он молился на горе Верна, ему вспомнилось, что говорят святые отцы: что душа, преданная Богу, благодатью Святого Духа и силой Всевышнего может духовно зачать благословенное Слово и Единородного Сына Отчего, произвести Его на свет, дать Ему имя, искать Его и поклоняться Ему вместе с волхвами и наконец благополучно принести Младенца к

⁷ Св. Франциск Ассизский, Послание к верным, 1 (Истоки францисканства, п. 178).

Богу Отцу в Его храм⁸.

Из этих пяти моментов, праздников Младенца Иисуса, которые должна пережить душа, нас интересуют более всего первые два: зачатие и рождение. Согласно св. Бонавентуре, душа зачинает Иисуса, когда, недовольная той жизнью, какую она ведёт, побуждаемая святым вдохновением и вспыхивающая святым рвением, она наконец отбрасывает решительно свои старые привычки и недостатки и как бы оплодотворяется духовно благодатью Святого Духа и зачинает намерение о новой жизни. Произошло зачатие Христа!

Вслед за зачатием, благословенный Сын Божий рождается в сердце, когда душа, произведя здоровое различие, испросив совета и призвав на помощь Бога, немедленно претворяет в жизнь своё святое намерение – начинает осуществлять то, что давно уже в ней зрело и что она всегда откладывала, боясь, что не справится.

Однако необходимо подчеркнуть следующее: намерение начать новую жизнь должно безотлагательно претвориться во что-то конкретное, в какое-то изменение (желательно не только внутреннее, но и внешнее, видимое) нашей жизни и наших привычек. Если намерение не реализовано, значит, Иисус зачат, но не рождён. Это один из многих духовных аборт. И никогда не наступит «второй праздник» Младенца Иисуса – Рождество! Это одна из многих отсрочек, которые представляют собой одну из главных причин того, почему столь немногие становятся святыми.

Если ты решаешь изменить образ жизни и войти в число бедных и смиренных, которые, подобно Марии, стремятся лишь к тому, чтобы обрести благодать у Бога, не пытаясь угодить людям, в таком случае, – пишет св. Бонавентура, – ты должен вооружиться мужеством: оно тебе понадобится. Ты столкнёшься с двумя сортами искушений. Сначала к тебе придут плотские люди из твоего окружения и скажут: «Слишком дерзко то, что ты затеял; ничего у тебя не выйдет, сил не хватит, потеряешь здоровье; такое не подобает твоему положению, ты позоришь своё доброе имя и достоинство своей должности...»

Когда это препятствие останется позади, к тебе придут другие люди, слывящие благочестивыми – и, возможно, на самом деле благочестивые, но не верящие по-настоящему в силу Бога и Его Духа. Они скажут, что если ты станешь так жить: уделяя столько времени молитве, избегая сплетен и бесполезной болтовни, творя дела милосердия, – то тебя скоро сочтут святым, благочестивым и духовным человеком. А поскольку тебе отлично известно, что ты ещё не таков, ты станешь обманывать людей и лицемерить, навлекая на себя порицание от Бога, исследующего сердца.

На все эти искушения надо отвечать с верой: «рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти» (Ис 59,1) и, почти гневаясь на себя самого, воскликнуть, как Августин перед обращением: «Разве не сможешь ты сделать того, что смогли эти мужчины, эти женщины? *Si isti et istae, cur non ego?*»⁹

5. Мария сказала «да»

Пример Матери Божией подсказывает нам, что конкретно сделать, чтобы осуществить в своей духовной жизни этот новый рывок, чтобы зачать и действительно дать родиться Иисусу в нас в это Рождество. Мария ответила Богу «да», решительно и безоговорочно. Мы любим вспоминать о слове Марии: «Да

⁸ Св. Бонавентура, Пять праздников Младенца Иисуса, пролог.

⁹ Св. Августин, Исповедь, VIII,11,27, М., Паолине, 2008.

будет» («fiat»); для нас Мария – это Дева, сказавшая «fiat». Но Мария не говорила по-латыни и потому не сказала «fiat»; да и того слова, которое мы находим в греческом тексте Луки (*génoito*), она не произносила, потому что не говорила по-гречески.

Если нам дозволено в благочестивом размышлении попытаться различить собственный голос Марии, восстановить точное слово, вышедшее из её уст – или, по меньшей мере, зафиксированное в еврейском источнике, которым воспользовался Лука, – то словом этим должно быть «аминь». Еврейское слово «аминь» (значение корня – прочность, надёжность) использовалось в богослужении как ответ веры на слово Божие. В тех местах, в конце некоторых псалмов, где в Вульгате значилось «fiat, fiat», в новом переводе с оригинала теперь читаем: «Аминь, аминь». То же касается греческого слова: в тех же самых псалмах в Септуагинте значится «*génoito, génoito*», а в еврейском оригинале: «Аминь, аминь!».

«Аминь» означает, что сказанное слово – твёрдое, прочное, действенное и обязывающее. «Аминь» указывает на веру и послушание одновременно; говорящий признаёт, что сказанное Богом истинно, и подчиняется слову Божию. То есть говорит «да» Богу. В этом же смысле сам Иисус пользуется словом «аминь»: «ей (аминь), Отче! ибо таково было Твоё благоволение» (ср. Мф 11,26). Более того, Он – олицетворённый Аминь: «Так говорит Аминь» (Откр 3,14). И именно через Него, прибавляет Павел, всякое «аминь», произнесённое на земле, теперь восходит к Богу (ср. 2 Кор 1,20).

Почти на всех человеческих языках слово, выражающее согласие, состоит из одного слова: да, sì, ja, yes, oui, tag... Именно к этому слову, самому короткому в словаре, прибегают супруги и посвящающие себя Богу, чтобы навсегда распорядиться своей жизнью. При принятии монашеских обетов и при рукоположении священников есть момент, когда кандидат говорит «да».

«Аминь» Марии содержит в себе особый нюанс, на который нам важно обратить внимание. В современных языках мы употребляем глагол в изъявительном наклонении, чтобы обозначить то, что произошло или произойдёт, и глагол в условном наклонении, если речь идёт о том, что могло бы произойти при определённых условиях. А в греческом языке есть особое наклонение, называемое оптативным. Его используют, когда субъект желает или ждёт с нетерпением, чтобы что-либо произошло. Так вот, глагол, которым пользуется Лука, «*génoito*», стоит именно в этом наклонении! Св. Павел говорит, что «доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор 9,7); Мария сказала Богу «да» с радостью.

В рождественском песнопении «Ты нисходишь со звёзд» (автор слов и музыки – св. Альфонс Мария де Лигуори) подчёркивается необычная деталь: холод. «Ты входишь в пещеру, в холод и мороз»; «Тебе, Творцу небес и моему Господу, недостаёт пелёнок и огня». Этот физический холод – символ иного холода и иного мороза, с которым сталкивается Творец и сегодня, приходя к Своему народу. Возьмём на себя обязательство, достойные Отцы, братья и сёстры, окружить Богомладенца, приходящего к нам, всем сердечным теплом, на какое мы способны. *Sic nos amantem, quis non redamaret?* Как не полюбить в ответ Того, кто так нас возлюбил?

Вам, Святой Отец, и всем вам, достойные отцы, братья и сёстры, желаю счастливого и святого Рождества!